

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение В.С.Алексеева-Попова

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanic_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ЛУИЗА МИШЕЛЬ

(«*La Rouge Vierge de Montmartre*»¹)

(1830—1905)

«Женщины и дети с 13 лет боролись во время Коммуны наряду с мужчинами. Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии».

(В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 70.)

Во время Коммуны, её героической борьбы с внешними и внутренними врагами сотни женщин, исполненные энтузиазма, сражались в рядах Национальной гвардии, защищали баррикады, выносили раненых на своих плечах, жертвовали жизнью.

Уже в первые дни после провозглашения Коммуны группа парижанок обратилась к женщинам столицы с воззванием, в котором призывала их подняться с оружием на борьбу с врагом:

«Париж бомбардируют. Париж осаждают... Гражданки! Где наши дети, наши братья, наши мужья?.. Слышите гром пушек и звук трубы, зовущей в бой? К оружию! Отечество в опасности!.. Мы, гражданки Парижа, потомки женщин Великой революции, которые во имя

¹ «Красная дева Монмартра» — прозвище Луизы Мишель, героини Парижской Коммуны, возникло по аналогии с «Орлеанской девой» — прозвищем Жанны д'Арк (ок. 1412—1431). Побуждаемая патриотическими чувствами, Жанна д'Арк, молодая крестьянская девушка из местечка Домреми (север Франции), встала во главе французских войск, одержавших победы над англичанами во время Столетней войны (1337—1453).

народа и справедливости двинулись на Версаль и привели оттуда пленным Людовика XVI, мы, матери, жёны и сёстры сынов французского народа, сможем ли мы дольше терпеть, чтобы... наши дети убивали друг друга ради каприза наших угнетателей, которые продали Париж иноземцам, а теперь хотят его гибели? Гражданки, решительный час настал. Пора покончить со старым миром!!! Мы хотим быть свободными! Поднимается не только Франция, все цивилизованные народы устремляют свои взоры на Париж, ожидая своей очереди, чтобы завоевать себе свободу... Гражданки! Объединимся, полные решимости, и постараемся обеспечить успех нашего дела! Будем готовы защищать наших братьев и отомстить за них! У ворот ли Парижа, на баррикадах или в предместьях — не всё ли равно? Будем готовы по данному сигналу соединить наши усилия с усилиями братьев... И если у них не хватит оружия и штыков — для нас ещё останутся мостовые, чтобы градом камней раздавить предателей!

Группа гражданок».

Парижские женщины в дни Коммуны проявили поразительную отвагу и инициативу. Это о них, об этих тысячах незаметных героев и героинь, писал Маркс Л. Кугельману 12 апреля 1871 г.: «История не знает другого примера подобного героизма!»¹.

Одной из таких героинь Коммуны была знаменитая «Красная дева Монмартра» — Луиза Мишель.

В нескольких милях от местечка Домреми находится деревня Бронкур (департамент Верхней Марны) — место рождения Луизы Мишель. Луиза была дочерью простой крестьянки Марианны, прислуги адвоката Шарля Демаи, хозяина старого, полуразрушенного замка во Бронкуре. Луиза была «незаконнорождённой». Повидимому, отцом ребёнка был сын господина Демаи — Лоран, который поспешил вскоре после рождения девочки уехать и затем женился.

Шарль Демаи, у которого работала мать Луизы, был поклонником Вольтера, Руссо и философов-энциклопедистов XVIII в. Он чутко отнёсся к обиженной Марианне и ребёнку: взял маленькую Луизу к себе, чтобы воспитать её. Жена Шарля Демаи была образованной и передовой женщиной. Она изучала музыку и философию, писала

стихи и стремилась передать свои знания Луизе. Супруги Демаи внушали ей любовь к трудящимся и обездоленным и горячее желание облегчить их участь. Луиза с жадностью слушала рассказы деда о революционных событиях 1793 г., участником которых он был (он работал в одной из комиссий Комитета общественного спасения).

«Мой дед то рассказывал мне о великих днях и битвах Первой республики, и голос его звучал неподдельной страстью, — вспоминает она. — То, полный иронии, подобно Вольтеру, или ...весёлому и остроумному Мольеру, он толковал мне содержание разных книг, которые мы читали вдвоём... Мы заглядывали в далёкое прошлое человечества, заглядывали и в будущее, и порою я плакала, взволнованная живой картиной человеческого прогресса, ...а он с влажными глазами клал руку мне на голову»¹.

Луиза рано начала читать; одновременно она училась музыке, рисованию. Девочку пленяла поэзия и красочная, художественная форма крестьянского фольклора. Не по летам развитая, Луиза быстро усвоила целый ряд предметов школьного курса, пользуясь учебниками своего кузена — школьника Жюля. Из поэтов наибольшей любовью Луизы пользовался Виктор Гюго, многие пьесы и стихи которого она знала наизусть. Нередко она устраивала со своими сверстниками своеобразные «спектакли».

«У нас во дворе за колодезем лежала груда хвороста... Из него мы обычно сооружали эшафот со ступеньками, помостом и двумя деревянными лестницами. Так мы инсценировали разные исторические события. Мы ставили драму, посвящённую событиям 1793 г., и один за другим поднимались по ступенькам «эшафота», где провозглашали «Да здравствует республика!». Однажды, когда мы поднимались с пением на «эшафот», мой дед заметил, что подниматься туда надо молча, а, поднявшись наверх, надо «провозгласить тот принцип, во имя которого мы «умираем», что мы и делали впоследствии»².

Мечтательная и восторженная девочка рано решила, что революция — её призвание. Как она рассказывает в своих стихах, к ней однажды во сне явился образ Сен-Жюста, который сказал ей: «Слышишь голос, зовущий тебя? Час пробил, идём!».

¹ L. Michel, Mémoires écrites par elle-même, v. I, Paris 1886, p. 20.

² Ibid., p. 25—26.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 105.

Подобные настроения отражены в ряде юношеских стихотворений Луизы. В стихотворении «Клятва негров перед виселицей Джона Брауна»¹ Луиза восклицает: «Придите, братья, придите! Сейчас даже пытка — наслаждение, и даже виселица прекрасна... Кто среди нас не отдаст сто раз свою кровь за святое дело? Придите, великие сердца, придите, пылающие души! Придите все, кто умеет умирать!»².

Свои детские стихи Луиза посылала Виктору Гюго, который очень приветливо отвечал ей, одобряя её первые опыты.

Но вот умер старик Демаи, а спустя пять лет скончалась его жена. Хозяевами в замке Вронкур стали Лоран Демаи и его жена, надменная, мелочная и злая мещанка. Она презирала «незаконнорождённую» Луизу и ненавидела её за то, что покойный Демаи оставил Луизе маленькое наследство. Луизу буквально вышвырнули из замка, где протекло её детство и с которым были связаны самые дорогие её воспоминания. Опекун Луизы — нотариус Вуарон устроил её в Шомоне, главном городе департамента. Здесь Луиза училась на педагогических курсах, готовясь к званию учительницы.

Получив диплом, Луиза решила не поступать в государственную школу, так как не желала приносить присяги «узурпатору» Наполеону III, и уехала в январе 1853 г. в деревню Оделонкур (находившуюся очень близко от Вронкура, где жила её мать).

В 50-х годах в стране царил суровый режим. Все университеты и школы были поставлены под строжайший контроль реакционного духовенства и префектов. Естественно, что поведение смелой учительницы в Оделонкуре, открыто осуждавшей переворот и писавшей революционные стихи, обратило на себя внимание администрации. Луиза распространяла республиканские идеи среди своих учеников, крестьянских детей. Они часто вместе с учительницей пели в школе «Марсельезу». Однажды в церкви во время заупокойных в честь императора все её ученики демонстративно вышли на улицу, шаркая своими маленькими сабо по плитам церковного пола.

¹ Браун, Джон (1800—1859) — борец за освобождение негров в США, подготовлял восстание негров-рабов, за что и был казнён.

² Irma Boyer, *La Vierge rouge. Louise Michel*, Paris 1927, p. 24, 25.

В годы преподавания в школе Луиза Мишель продолжала свою литературную деятельность. Она писала статьи, фельетоны, направленные против режима Наполеона III. Однажды Луизу вызвали в Шомон к префекту для объяснения по поводу её фельетона, в котором цензор усмотрел оскорбление его величества императора и призыв к царсубийству. Однако ей удалось оправдаться.

В 1856 г. Луиза переехала в Париж, куда она давно уже стремилась, и поступила учительницей в женский пансион. В Париже Луиза Мишель вела скромную, строгую жизнь человека науки. Она задалась целью как можно скорее пополнить своё образование. Нередко отказывая себе в еде, она каждый свободный грош тратила на покупку книг, стремясь быть в курсе современной науки и литературы. Луиза самоучкой изучала философию и высшую математику, пыталась заниматься музыкальной композицией, писала фантастические оперы. Естественные науки, химию и физику она изучала на вечерних курсах, помещавшихся на улице Отфейль и организованных обществом содействия начальному образованию. Эти курсы были тогда местом встреч республиканцев и революционно настроенной студенческой молодёжи. Именно там Луиза познакомилась с известными лидерами республиканской оппозиции — Жюлем Фавром, который был председателем этого общества, Жюлем Симоном и другими (в будущем — членами правительства Национальной обороны, палачами Коммуны). Луизе в её наивном преклонении перед всем «республиканским» казались тогда одинаково революционными и лицемер Фавр и искренний революционер-бланкист Теофиль Ферре, с которым она познакомилась в одном из клубов Латинского квартала. «Революционерка чувства», она в ту пору не видела разницы между различными партиями оппозиции. «Нас обволакивала, — писала она впоследствии, — светлая грёза о будущем, и виновник декабрьского переворота казался нам единственным препятствием на пути к свободе»¹.

В это время Луиза Мишель сотрудничала в разных республиканских газетах, писала стихи, отражавшие её революционно-демократические взгляды. «Привет людям

¹ Луиза Мишель, Коммуна (Из воспоминаний), М.—Л. 1926, стр. 21.

будущего, с горячей и алой кровью,— писала она тогда,— в которых всё будет — справедливость, гармония, сила и свет!»¹

Бланкисты своей проповедью немедленного революционного действия были близки и понятны Луизе Мишель. Подобно им она мечтала о завоевании «социальной республики» путём смелого нападения кучки заговорщиков и подобно им плохо разбиралась в тех конкретных социально-экономических и организационных мероприятиях, при помощи которых эта грядущая социальная республика должна быть построена после революции.

В последние годы Второй империи (1868—1870 гг.) Луиза нетерпеливо ожидала восстания против ненавистной империи. В начале 1870 г. был момент, когда казалось, что столкновение с правительством неизбежно,— похороны Виктора Нуара, убитого Пьером Бонапартом.

Луиза присутствовала в толпе, переодетая мужчиной... «...У меня был с собой кинжал, украденный у дяди в то время, когда я бредила Гармодием²,— пишет она.— ...Бланкисты и большая часть революционеров, по крайней мере все монмартрские, были вооружены; в воздухе чувствовалось дыхание смерти, предвиделось близкое освобождение»³. Но в этот день выступления не произошло, так как ясно было, что силы революционеров малы по сравнению с правительственными силами, заранее подготовившимися к нападению.

Когда началась франко-прусская война, шовинистически настроенная буржуазия и наёмники империи — так называемые «белоблузники» (которые должны были изображать «простой народ») организовывали в Париже урапатриотические манифестации. Парижские рабочие и многочисленные представители Интернационала мужественно протестовали против войны, не нужной ни французскому, ни немецкому народам. В то время как по главным улицам Парижа шагали «белоблузники», совместно с полицейскими кричавшие: «В Берлин! В Берлин!»,— из рабочих кварталов угрюмо двигались антивоенные манифестации рабочих, организованные членами Интернационала.

¹ L. Michel, Mémoires écrites par elle-même, v. I, p. 102.

² Гармодий и Аристогитон — греческие юноши, покушавшиеся на убийство афинских тиранов Гиппия и Гиппарха.

³ Луиза Мишель, Коммуна, стр. 22—23.

Все симпатии Луизы были на стороне рабочих: она понимала, что война нужна Наполеону III, чтобы укрепить свою власть. Спустя некоторое время в Париже узнали о неудачах французской армии; в Луизе крепнет убеждение, что только республика способна спасти Францию, «смыть с неё позор двадцати лет Империи»¹. Слепо верит она своим друзьям-бланкистам и с глубоким сочувствием следит за их легкомысленной попыткой с ничтожными силами «произвести переворот».

14 августа 1870 г. группа бланкистов совершила нападение на казарму пожарных, помещавшуюся на бульваре Ла Виллет. Они надеялись, что им удастся провозгласить республику раньше, чем на фронте будет окончательно разгромлена армия, а вместе с нею и прогнившая Вторая империя. Эта неудачная попытка, никем не поддержанная, кончилась арестом двух бланкистов — Эда и Бридо, которых обвинили в содействии пруссакам. Луиза откликается на это событие прочувствованным стихотворением «Бодрствующие»:

Мы верили — восстанет весь Париж,
Откликнется!.. Но город был безмолвен.
Я вижу, как сейчас, туманный этот день:
Все ставни — на запор, и улица — пустая...
«Шпионы прусские!» — несутся злобно крики
Вдогонку схваченным друзьям².

Эд и Бридо были приговорены к смертной казни. Луиза Мишель развила огромную деятельность, чтобы их спасти.

По её просьбе историк Мишле написал на имя губернатора Парижа Трошю петицию с просьбой о помиловании, которая была покрыта тысячами подписей. С этой петицией Луиза и её приятельницы-республиканки (Адель Эскирос и Андрэ Лео) явились на приём к губернатору и проявили необычайную настойчивость, добиваясь личного свидания с ним. «Нас хотели вежливо выпроводить, но мы, усевшись на одной из скамеек, заявили, что мы пришли от имени парижского народа для передачи в собственные руки генерала Трошю бумаг, о содержании которых он должен быть поставлен в известность»³, — рассказывает Луиза.

Их настойчивость возымела своё действие: они были приняты секретарём губернатора, который обещал сделать всё возможное и принял адрес под расписку. Действительно, казнь Эда и Бридо была отсрочена.

Спустя две недели Париж узнал о Седанской катастрофе. 4 сентября была провозглашена республика. Это спасло Эда и Бридо: все сидевшие в тюрьмах узники империи были освобождены. Они появляются на улицах Парижа, бледные от испытанных лишений и волнений. В их петлицы были воткнуты красные гвоздики — символ Республики.

Этому моменту посвящено стихотворение Луизы Мишель «Красные гвоздики»:

Тогда настал предел народному терпению.
Сбирались по ночам, толкуя меж собой,
И рвались из оков, дрожа от возмущенья,
Как скот, влекомый на убой.
Империи пришёл конец! Напрасно
Тиран безумствовал, воинствен и жесток —
Уже вокруг гремела Марсельеза,
И красным заревом пытал восток!
У каждого из нас виднелись на груди
Гвоздики красные. Цветите пышно снова!
Ведь если мы падём, то дети победят!
Украстье грудь потомства молодого!

Луиза полна республиканских иллюзий. Она не разделяет мрачных мыслей и опасений более осторожных людей (например, Лефрансэ), которые разгадали манёвр либералов, заранее подготовившихся к захвату власти. Она горячо приветствует не только освобождённых Ферре, Эда и Бридо — искренних республиканцев-демократов, но и лживого Жюль Фавра. «...У дверей Ратуши Жюль Фавр сжал в своих широких объятиях... Риго, Ферре и меня, называя нас своими дорогими детьми», — вспоминает потом Луиза Мишель этот момент.

Но розовым иллюзиям первых дней бескровной революции 4 сентября суждено было рано или поздно развеяться. Скоро Луиза увидела подлинное лицо членов «правительства национальной измены».

После свержения империи в массах были очень сильны патриотические, оборонческие настроения. У всех на уме было: «Спасти республику! Спасти Францию!». Катастрофическое положение на фронте приводило парижан в отчаяние. 18 сентября, рассказывает Луиза Мишель,

¹ Луиза Мишель, Коммуна, стр. 30.

² L. Michel, Mémoires écrites par elle-même, v. I, p. 163.

³ Луиза Мишель, Коммуна, стр. 33.

«...некоторым из нас, по большей части женщинам, пришла в голову мысль вооружиться и идти напролом на выручку Страсбурга,— помочь ему или умереть вместе с ним.

И вот наша маленькая группа направилась к городской Ратуше с криками: «В Страсбург! В Страсбург! Добровольцы, на защиту Страсбурга!»... Собралась значительная толпа.

На коленях статуй Страсбурга лежала открытая книга, и мы подошли к ней расписаться в нашем добровольном вступлении в армию»¹. Но когда Луиза Мишель и Андре Лео в качестве делегатов явились в Ратушу просить оружия, их арестовали и выпустили только через несколько часов. В этот самый день Страсбург пал.

Постепенно предательская политика правительства Национальной обороны становилась всё яснее. Наиболее преданные республике демократы и социалисты Парижа объединились в комитетах бдительности парижских округов и создали Центральный комитет 20 округов для контроля за действиями правительства и мэров.

«В наблюдательных комитетах собирались люди, безусловно преданные революции, которым не страшна была смерть. Там закалялось их мужество»². Парижские женщины, в том числе и Луиза Мишель, приняли участие в работе этих комитетов.

Луиза Мишель вошла в состав женского монмартрского комитета (их было два — женский и мужской комитеты). «Свои лучшие часы за дни осады,— пишет она,— я провела в монмартрском наблюдательном комитете и в клубе «Отечество в опасности»; там жили более быстрым темпом, чем в других местах, там радовались, чувствуя себя в напряжённой борьбе за свободу как в родной стихии»³. Луиза работала и в мужском комитете, где она имела возможность встречаться с русскими революционерами, о которых она отзывалась очень тепло, характеризуя их следующими словами: «Никогда я не видела столь прямых, простых и столь возвышенных натур, столь цельных личностей»⁴.

Луиза Мишель, как член монмартрского комитета, председательствовала в женском клубе, в здании мирового

суда на улице Лашапелль. На её обязанности как председателя лежало самыми энергичными мерами отстаивать право собраний, изгоняя из зала вооружённых реакционеров, стремившихся сорвать заседание.

Она ухитрялась иногда в один и тот же вечер побывать и в клубе Революции, где председательствовал её друг и наставник в революционных делах — Теофиль Ферре.

Ферре был единственным человеком, к которому Луиза в течение всей своей жизни испытывала горячую привязанность, граничащую с любовью.

Личной жизни Луиза Мишель не знала. «В период величайшей борьбы мне необходимо было оставаться свободной»¹.

Луиза Мишель с добродушным юмором рассказывает, как во время её юности к ней сватались разные «чудаки-буржуа», «настоящие комедийные персонажи», предлагавшие всё своё состояние «достойной супруге», воспитанной согласно их принципам морали и общественного порядка. Луиза давала этим мещанам достойную отповедь. Несколько позже, в последние годы империи, на Луизе хотел жениться один молодой офицер императорской гвардии.

«Я согласна,— ответила она со спокойной, насмешливой улыбкой,— но при одном только условии: убейте императора».

Надо ли добавлять, что этот офицер поспешил ретироваться и больше не появлялся у Луизы.

Проблема женской эмансипации всегда сильно волновала Луизу. В детстве она глубоко страдала за свою обиженную мать, страдала морально как «незаконнорождённая» — неполноправный член буржуазного общества.

Она неоднократно говорила: «В этом проклятом обществе мы всюду наблюдаем страдания людей; но ничьё страдание не может сравниться со страданиями женщины!»².

Смелыми, меткими словами она бичует пошлую буржуазную мораль, буржуазную семью, буржуазную систему воспитания женщин, калечащую их, унижающую и делающую их рабынями домашнего очага. «Если равенство обоих полов будет, наконец, признано, в бастионе человеческой глупости будет пробита значительная брешь! — писала она. — ...Мы, женщины, хотим знаний и свободы, а

¹ Луиза Мишель, Коммуна, стр. 44—45.

² Там же, стр. 57.

³ Там же.

⁴ L. Michel, Mémoires écrites par elle-même, v. I, p. 170.

¹ L. Michel, Mémoires écrites par elle-même, v. I, p. 74.

² Ibid., p. 107.

в великий час решающей битвы мы будем драться бок о бок с вами и сообща завоюем себе все человеческие права».

В своих «Воспоминаниях» и в «Коммуне» Луиза Мишель описывает самоотверженную деятельность женщин Парижа во время осады и позже, во время Коммуны. Она с восхищением говорит о том, как они устроили в фортах Парижа походные лазареты; организовали при мэриях мастерские, дешёвое питание в народных столовых «*Mag-mite*», созданных Варленом, Натали Лемель и другими общественными деятелями; участвовали в комитетах бдительности, вели бесплатную педагогическую работу в рабочей среде. Своим живым примером они наглядно опровергли ложный старозаветный предрассудок, который упорно отстаивали в 60-х годах XIX в. прудонисты, что будто «место женщины только у очага и в семье» и будто бы ни на что больше она не способна. «Среди самых непримиримых борцов, которые сражались с завоевателем и защищали Республику, эту зарю свободы, было немало женщин», — пишет Луиза Мишель в «Коммуне» и с негодованием восклицает: «Из женщин захотели образовать особую «касту», ...нас не спрашивали, хотим ли мы этого, и нам не с кем было посоветоваться. Новый мир соединит нас с освобождённым человечеством, в котором каждое существо найдёт себе место»¹.

К моменту восстания 31 октября 1870 г. у Луизы Мишель и сотен тысяч подобных ей женщин открылись глаза. Луиза выступила теперь не только против лжереспубликанцев, захвативших власть, но и против буржуазной республики; она стояла за Коммуну. Вместе с женщинами Монмартрского клуба и другими патриотками Луиза решает участвовать в демонстрации 31 октября. «Мы уже не признавали этого правительства, которое даже не позволяло Парижу самому организовать свою оборону», — пишет Луиза, вспоминая этот момент своей жизни. В Ратуше Луизу и её подруг арестовали по обвинению в организации манифестации. При допросе она ответила, что была в Ратуше, чтобы разделить опасность с женщинами, не признающими правительства, что «сама она тоже его не признаёт» и что если она в другой раз явится в Ратушу по собственной инициативе, то она придёт с вооружённым народом².

Только на следующий день друзьям Луизы — Ферре, Авронсару, Бюрло и Криту удалось добиться освобождения Луизы. Они явились от имени комитета бдительности XVIII округа и пригрозили, что в случае отказа «весь рабочий Монмартр спустится с оружием вниз». Эта угроза подействовала. Монмартр был пугалом для буржуа, спекулянтов и т. п. Стоило бросить клич: «Монмартр спускается вниз!», как реакционеры тотчас же прятались в испуге в свои норы, оставляя на произвол судьбы свои склады продуктов.

Теперь для Луизы всё окончательно стало ясным: народ обманут, у власти снова стоят враги республики, враги демократии и народной свободы. Неужели это возвращается империя? — спрашивали наивные люди. «В действительности, она никогда не исчезала», — печально констатирует Луиза Мишель и в другом месте снова повторяет: «Да, это действительно была Империя. Переполненные тюрьмы, страх и доносы изо дня в день; поражения, которые в правительственных сообщениях превращались в победы»¹.

Во время выступления 22 января Луиза действовала ещё решительнее: она вышла на площадь Ратуши с оружием в руках. Когда бретонские мобили, охранявшие Ратушу, открыли по приказанию Шоде (либерального республиканца, помощника мэра) огонь по толпе, Луиза Мишель, защищаясь, стреляла вместе с другими своими товарищами. Она была глубоко возмущена предательским поступком «республиканцев», стоявших у власти, беспощадно расстреливавших почти безоружную толпу. Характерно следующее признание Луизы: в отличие от некоторых национальных гвардейцев, которые всё ещё не решались отвечать на выстрелы выстрелами и целились не в солдат, а в стены, она твёрдо решила, что не останется пассивной и нейтральной в завязывающейся гражданской войне. Луиза избрала себе раз навсегда место по эту сторону баррикад.

Это было первое её боевое крещение. Она с глубокой искренностью восклицает: «Защищая в первый раз своё дело оружием, так уходишь в борьбу, что, кажется, сам становишься взрывчатым веществом, снарядом»². Рядом

¹ Луиза Мишель, Коммуна, стр. 66.

² L. Michel, Mémoires écrites par elle-même, v. I, p. 187.

¹ Луиза Мишель, Коммуна, стр. 55.

² Там же, стр. 63.

с нею падали убитые и раненые. Ветераны революции 1848 г. спокойно, с невозмутимостью и бесстрашием отстреливались, стоя на баррикаде улицы Виктории. Пал сражённый пулей один из храбрейших защитников республики — бланкист Сапиа... Немногочисленным защитникам баррикад пришлось отступить.

28 января правительство объявило о капитуляции Парижа и о заключении перемирия.

После событий 22 января Луиза Мишель проявляет ещё большую активность, чем до сих пор. Это уже не прежняя провинциальная учительница, пишущая безобидные республиканские стихи и способная в лучшем случае на какую-нибудь остроумную, вызывающую выходку по адресу бонапартистов. Теперь это та «Красная дева Монмартра», революционерка, общественница, какою её узнал весь мир в героические дни Коммуны. В клубах уже выступать нельзя (они закрыты по распоряжению правительства, окончательно снявшего с себя маску). Луиза, входя в состав 61-го батальона Национальной гвардии, вместе со всей Национальной гвардией готовится к энергичному отпору наступлению реакции. У неё, кроме её скромного платья учительницы, есть два форменных костюма — национального гвардейца и линейного солдата регулярной армии. Она усиленно учится стрельбе. Преподаёт она в монмартрской школе, на улице Удо (Oudot), № 24, и занимает находящуюся при школе небольшую квартирку. С нею теперь живёт её мать, которая во время осады продала дом и виноградник в деревне Вронкур и окончательно переселилась к Луизе.

Луиза Мишель принимала активное участие в революции 18 марта. В это утро Луиза Мишель стояла на посту 61-го монмартрского батальона Национальной гвардии — на улице Розье, № 6. Одной из первых жертв нападения на Монмартр был часовой Тюрпен, которому Луиза немедленно сделала перевязку. По тревожным сигналам поднялось всё население Монмартра. «Сформировалась колонна... Монмартр просыпался... я возвращалась... но не одна, а с теми, кто шёл отбивать холмы.

Подымалась заря, звуки набата прорезывали воздух... Мы мечтали умереть за свободу.

Нас словно что-то поднимало над землёй. Пусть мы умрём, зато восстанет весь Париж. Бывают такие моменты, когда толпа становится авангардом человечества.

Холм был окутан белым светом, дивной зарёй освобождения»¹.

Но Луиза не останавливается — она спешит туда, куда зовёт её революционный долг. И вот — победа одержана; солдаты отказываются стрелять, приставили ружья к ноге. Немалую роль в этом сыграли отважные женщины Монмартра: они осаждали солдат, упрекали и молили их, бросившись вперёд; они грудью заслонили своих братьев-рабочих от пушек и митральез.

Победа! Восторженные крики, рабочие и солдаты братаются, обнимаются, бросают оружие. Великий, неповторимый миг!

Несмотря на полную победу народа 18 марта и бегство правительства в Версаль, некоторые более дальновидные революционеры (Домбровский, Дюваль и другие, в том числе и Луиза Мишель) не были спокойны и настаивали на немедленном наступлении на Версаль и разгроме этого гнезда реакции. Луиза предлагала даже лично отправиться в Версаль и собственной рукой убить Тьера, который казался ей главной и единственной причиной всех бедствий народа. «И я, которую обвиняют в беспредельной доброте, — восклицает она, — я, не бледнея, как снимают камень с рельс, отняла бы жизнь у этого карлика, которому суждено было пролить столько крови»².

Ферре напомнил ей, что расстрел генералов Леконта и Клемана Тома вызвал сильное волнение и недовольство в Париже. «Это новое убийство, — сказал он, — может приостановить всё движение». Луиза не верила этому, но вынуждена была согласиться, что Ферре, возможно, и прав. Рауль Ригго также присоединился к его мнению. «Кроме того, — прибавили они, — вам и не добраться до Версаля»³. Эта насмешка подзадорила Луизу. Отказавшись от намерения совершить покушение на Тьера, она решила по крайней мере пробраться в Версаль. Переодевшись, она спокойно отправилась туда. Проникнув без всяких затруднений в Версальский парк, где раскинуты были палатки тогда ещё слабой и дезорганизованной армии Винуа, Луиза завела разговор с некоторыми солдатами и офицерами, агитируя их в пользу революции 18 марта. Ей удалось даже убедить кое-кого перейти на сторону Нацио-

¹ Луиза Мишель, Коммуна, стр. 75.

² Там же, стр. 88.

³ Там же.

нальной гвардии. Под конец она благополучно ретировалась.

Предположения Луизы и её товарищей оправдались: усилившаяся и окрепшая благодаря помощи Бисмарка версальская армия напала на революционный Париж. На первое нападение (2 апреля) возмущённые массы парижан ответили грандиозной, но, к сожалению, плохо организованной вылазкой 3 апреля. Луиза Мишель разделяла общее возмущение, общий порыв вооружённой народной массы. Она шла в рядах 61-го батальона, входившего в состав центральной колонны, во главе которой стоял генерал Эд.

С этого дня (3 апреля) и вплоть до падения Коммуны вся деятельность Луизы протекала на передовых позициях. Она дралась в рядах Национальной гвардии не хуже старых, закалённых в бою солдат и служила примером революционной храбрости, стойкости и самопожертвования. В статье «Героини революции», напечатанной в апреле 1871 г. в «*Journal officiel*», сообщалось:

«...В наши дни наблюдаются снова проявления женского героизма. В рядах Национальной гвардии сражается много женщин... В рядах 61-го батальона сражалась одна энергичная женщина. Она убила много жандармов и полицейских»¹.

Сама Луиза по присущей ей скромности очень неохотно писала о своих подвигах.

Луиза сражается в маршевых ротах как рядовой гвардеец. Вместе с тем она принимает деятельное участие в организации санитарной службы, много работает в походных лазаретах, в перевязочных отрядах. Она трудится без передышки, не спит по несколько ночей, носит форму и грубые, забрызганные глиной и грязью солдатские сапоги, но всегда бодра. Она нередко появляется в самых опасных местах.

Одновременно с Луизой большую роль в санитарном обслуживании армии федератов сыграли её подруги — деятельницы Интернационала, маркитантки, члены комитетов бдительности. Они, и в том числе Луиза, появлялись там, где сыпался дождь пуль и рвались снаряды, и оказывали помощь пострадавшим. «Наши женщины, Фернан-дец, Данги и Мариани, устроили вместе со мной, — вспо-

минает Луиза Мишель, — летучий лазарет близ баррикады Пейронне... легко раненные оставались там, раненные тяжело переводились в другие госпитали, в зависимости от решения врачей; во всяком случае первая перевязка спасла жизнь не одному человеку»¹.

Иногда обстановка, в которой Луизе приходилось оказывать раненым медицинскую помощь, бывала очень сложной; в их действия часто вмешивались местные жители, прося оставить раненых на месте, в подвалах. Нередки были случаи предательства, когда раненые попадали в руки версальских солдат. Луиза описывает случай в Кламаре, где она с подругой своей Фернандец обнаружили в домике полевого сторожа нескольких раненых и решили забрать их из места, внушавшего им подозрение. «С большим трудом мы взвалили раненых на привезённые нами с собой больничные носилки... [и ушли], унося больных под градом снарядов»², — пишет Луиза.

К сожалению, Луиза Мишель не оставила нам сколько-нибудь связного и обстоятельного рассказа о своём личном участии в военной обороне Коммуны. Она лаконически сообщает лишь, что 5 мая перешла в Мон-Руж в армию Ла Сесилиа, а затем в Нейи — к Домбровскому: «Моими товарищами по оружию были поочерёдно: отряд «питомцев Коммуны» в От-Брюйере, артиллеристы Исси и Нейи, разведчики Монмартра»³. Она признаётся, что ни за что не хотела покинуть линию фронта, и, когда 61-й батальон сменился и пошёл отдыхать, она ходила в бой с другими ротами. Сравнительно подробней она упоминает лишь об одном своём подвиге.

«Однажды ночью, когда мы стояли горсточкой на Клармарском вокзале, ...[одним из бойцов] овладела навязчивая идея сдать, во что бы то ни стало; сколько мы его ни убеждали, он стоял на своём.

— Ну, что же, если хотите, сдавайтесь, — сказала я ему; — я остаюсь здесь и взорву вокзал, если вы его сдадите.

Я уселась со свечой в руке на пороге комнаты, где были навалены снаряды, и провела таким образом всю ночь... На этот раз вокзал был удержан»⁴. Трус, о котором

¹ Луиза Мишель, Коммуна, стр. 115.

² Там же, стр. 111.

³ Там же, стр. 106.

⁴ Там же, стр. 110—111.

¹ «*Journal officiel de la Commune*», 10 avril 1871.

Луиза упоминает в этом рассказе, на следующее утро скрылся. Возможно, что это был версальский агент.

Луиза продолжает неумоимо и храбро сражаться в траншеях Клармарского вокзала, непрерывно бомбардируемого версальцами. Она участвует в отчаянной стычке на Клармарском кладбище. Она много раз рискует своей жизнью. «Однажды ночью, — рассказывает она, — не знаю каким образом, нас в траншее около станции оказалось только двое: бывший зуав и я с двумя заряженными ружьями; такого караула было как-никак достаточно, чтобы во-время предупредить товарищей. Прямо невероятное счастье, что в эту ночь станция не подверглась нападению...

Когда утром Лисбонн¹ пришёл с подкреплениями, он в одно и то же время был доволен и взбешён...»². «Кажется, я была не плохим солдатом», — заметила Луиза как-то. Что касается своей храбрости, то она всегда искренне её отрицала. «Нельзя же называть храбрым такого человека, который даже не думает об опасности; тогда в чём же моя заслуга?» — спрашивает она.

За всё время осады Парижа версальцами, вплоть до конца «кровавой недели», Луизе только дважды удалось побывать в Париже, да и то в продолжение всего нескольких часов. В первый раз Луиза отправилась в Ратушу с поручением от Ла Сесилиа. По дороге она была арестована национальными гвардейцами, принявшими её за переодетого мужчину, так как из-под платья выглядывали огромные мужские сапоги.

В другой раз Луиза Мишель встретила у ворот Ратуши с группой проституток, которые в слезах жаловались ей, что их не допускают к уходу за ранеными. «...Не им ли, несчастным жертвам старого мира, принадлежало почётное право отдать свою жизнь за лучшее будущее! — восклицает Луиза. — У кого же, как не у них, было больше прав ухаживать за ранеными...

¹ Лисбонн, Максим (ум. в 1905 г.) — актёр, активный участник Парижской Коммуны. Республиканец-демократ, член ЦК Национальной гвардии, героически сражался с версальцами и заслужил прозвище «д'Артаньян Коммуны». При подавлении Коммуны был тяжело ранен и приговорён версальским судом к пожизненной каторге. После амнистии 1880 г. возвратился во Францию.

² Луиза Мишель, Коммуна, стр. 109.

Я обещала им, что их справедливая просьба будет уважена...» И Луиза исполнила своё обещание. Сильно обрадованные женщины поклялись ей: «Мы никогда не заставим Коммуну краснеть за нас». Все они, за исключением одной (попавшей в тюрьму де-Шантье вместе с Луизой), были убиты во время кровавой майской недели.

Особенную доблесть парижские женщины проявили в последние дни Коммуны. До последнего дня майской кровавой недели они стойко сражались на баррикадах: «Проходят женщины с красными знамёнами впереди, — описывает Луиза последние минуты сопротивления на кладбище Пер-Лашез, — у них собственная баррикада на площади Бланш. Тут Елизавета Дмитриева, Лемель, Мальвина Пулен, Бланш Лефевр, Экскофон; Андре Лео была на баррикадах Батиньоля. Более 10 тысяч женщин, группами и поодиночке, сражались в майские дни за свободу». Из дошедших до нас сведений о русских, участвовавших в Коммуне, упомянем ещё об одной, героически погибшей на баррикадах Коммуны, — Анне Теофиловне Пустовойтовой, сражавшейся переодетой в мужской костюм под именем Антона Пустовойтова. На бруствере одной из последних баррикад Анна Теофиловна водрузила красное знамя с надписью: «Да здравствует пролетарская социалистическая республика и Парижская Коммуна!» Она поклялась не отдать знамя врагу — и пала смертью героя. На другой день газета «*Cri du Peuple*» писала: «Что оставила она по себе? Честное, доблестное имя, которое вечно будет служить примером для вступающих в жизнь юношей с пылкой душой и благородным сердцем!»¹. Вместе со всеми бойцами Коммуны на передовых позициях сражалась Луиза Мишель. Незадолго до вторжения версальцев Домбровский послал нескольких федератов (в том числе и Луизу Мишель) на Монмартр, чтобы поторопить монмартрцев с организацией обороны. В мэрии XVIII округа собрались члены комитета бдительности, обсуждая создавшееся положение. Все они решили драться до последней капли крови и взорвать укрепления Монмартра в случае победы версальцев. В этот момент к дверям мэрии подошла группа федератов 61-го батальона. Увидев Луизу Мишель, они предлагают ей пойти вместе с ними в

¹ Ю. Овсянников, Русские в Парижской Коммуне, «Смена» № 6, 1953 г., стр. 15.

бой. «Пойдёмте, мы идём умирать,— говорят они Луизе,— вы были с нами в первый день, вы должны быть с нами и в последний».

И Луиза с обычной сзоей простотой и решимостью присоединяется к ним. Они располагаются на Монмартрском кладбище и с невероятным упорством и мужеством отстаивают каждую пядь земли. К сожалению, все их усилия оказались бесплодными, так как версальцы при содействии прусского командования обошли их с тыла, пройдя сквозь «нейтральную полосу».

Горсть защитников кладбища всё уменьшается, они падают один за другим; Луиза бежит в мэрию за подкреплением, приводит ещё 50 человек. Но скоро и эта горсть людей растаяла, осталось только несколько человек, которые отступили к баррикадам. Луиза попрежнему полна самообладания. Она хладнокровно угощает чашкой кофе подругу, пришедшую с другой баррикады, обменивается с ней шутками и остротами.

Глубокой верой веет от её лаконического, но полного значения ответа проезжавшему мимо Домбровскому:

«— Мы погибли! — сказал он мне.

— Нет,— отвечала я ему.

Он протянул мне обе руки; это было последний раз, что я видела его живым.

Он был смертельно ранен в нескольких шагах от этого места...»¹.

Наконец, на баррикаде Луизы осталось всего трое бойцов. Однако одолеть их версальцам удалось только хитростью. Чтобы обмануть их, версальцы переоделись в форму Национальной гвардии.

Луизе удалось бежать. Полная ярости и ненависти к версальским палачам, она продолжала призывать парижан к сопротивлению: «Огонь им навстречу, огонь! Зажигайте дома!» — кричала она.

Впоследствии Луиза Мишель энергично отрицала гнусную ложь версальцев о «женщинах-петролейщицах» («поджигательницах»), давшую им предлог расстреливать тысячи женщин без всякого суда и следствия. «Не было поджигательниц,— говорит она,— женщины дрались, как львицы, и только я одна кричала: «Жгите, жгите всё перед этими чудовищами!»»².

¹ Луиза Мишель, Коммуна, стр. 142.

² Там же, стр. 147.

После подавления Коммуны Луиза ещё некоторое время была на свободе. Переодевшись, Луиза отправляется на улицу Удо, домой. У привратницы Луиза узнаёт, что версальцы приходили за нею и вместо неё увели её мать. Не медля ни минуты, Луиза направляется на пост версальцев и добивается её освобождения. Сама Луиза остаётся в тюрьме.

Нет слов, которыми можно было бы описать невыносимые страдания узников Сатори и других версальских

тюрем. Их гноили в грязи, морили голодом, издевались над ними и пытали. Но Луиза и тут остаётся верной себе: в ответ на угрозы разъярённого кровожадного генерала Галифе, явившегося в бастион, Луиза рассмеялась ему прямо в лицо. Вzbешённый Галифе приказал тут же расстрелять на глазах у арестованных коммунаров двух случайно попавшихся ему под руку коммерсантов, которые ничего общего с Коммуной не имели. С версальцами Луиза продолжала держаться презрительно и вызывающе. «...Все мы, люди 1871 г., умели встречать смерть и как бы кокетничали с нею», — говорит она.

В тюрьме Луиза с отвращением вспоминала о своих «республиканских иллюзиях»: те самые люди (Жюль Фавр, Жюль Симон и другие), которые клялись в «верности республике», добившись власти, стали самыми свирепыми контрреволюционерами. Луиза с горечью и стыдом вспоминала о памятном дне 4 сентября, Жюле Фавре, назвавшем тогда её, Риго и Ферре своими «дорогими детьми». Теперь, когда Фавр вдохновлял все версальские зверства и с ожесточением клеветал на героев-коммунаров, «дорогие дети», защищавшие с оружием в руках Коммуну, оказались в числе его жертв: Риго был изуродован до неузнаваемости и расстрелян, Луиза и Ферре томились в тюрьмах.

Луиза всячески старалась узнать об участии Теофиля Ферре. До неё дошли вести об его мужественном поведении на суде, о смертном приговоре. Она сильно волновалась за него. Ей удалось при содействии одной прачки обменяться с Ферре несколькими письмами, зашитыми в рукава его рубашки. Луиза послала ему «гвоздики», старательно сделанные из клочков красного шарфа, — символические «красные гвоздики», напоминавшие о предреволюционных надеждах и стремлениях, и присоединила к ним свои стихи. Вскоре она переслала ему ещё несколько своих стихотворений. В своих ответных письмах Ферре старался поднять её дух, убеждал, что победа республики и социализма во Франции неизбежна. Зная неукротимый характер Луизы, Ферре опасался, что она будет вести себя на суде вызывающе, что её приговорят к смерти. Стоя уже одной ногой в могиле, этот мужественный и стойкий человек убеждал её не рисковать своей жизнью. Луиза решила быть достойной своего друга. Она задавала себе вопрос: «Разве прилично нам, сражающимся за дело справедли-

вости, за дело всего человечества, просить снисхождения у версальцев? Разве мыслимо, чтобы мы унизились, взывая к жалости бездушных палачей, которые уже казнили столько страдальцев в Сатори? Нет! Принять от них смягчение участи — это значило бы частично пожертвовать своим достоинством!»¹.

За две недели до казни Ферре Луизу словно намеренно перевели в Аррасскую тюрьму, где она оставалась до 28 ноября (дня казни Ферре). Четыре дня спустя после его казни вне себя от гнева и отчаяния Луиза написала вызывающее письмо генералу Апперу, требуя, чтобы и её казнили. «Вам известно достаточно о моей деятельности, а поле Сатори находится недалеко. Вы все прекрасно знаете, что если я выйду отсюда живой, я буду мстить за мучеников. Да здравствует Коммуна!» Она сочинила и послала в адрес 3-го Военного трибунала сатирические, полные яда и гнева стихи, в которых предупреждала «лживых судей», «клику бандитов и полицейских крыс», что их ждёт суд истории.

16 декабря Луиза Мишель предстала, наконец, перед версальским судом. Прокурор всячески стремился в своём обвинительном акте сгустить краски, описывая её «преступления».

«Тесно связанная с членами Коммуны, обвиняемая Мишель заранее знала все их планы... Она помогала им всеми своими силами, своей волей, более того — часто пыталась их перешеголять. Она предложила отправиться в Версаль и убить президента республики... Таким образом, она не менее виновата, чем «гордый республиканец Ферре», которого она защищает столь странным образом. ...Она разжигала страсти толпы, проповедовала войну без пощады»².

На вопросы председателя Луиза Мишель ответила: «Я не хочу защищаться, я не хочу, чтобы меня защищали. Я всем существом принадлежу социальной революции и принимаю полную ответственность за все свои поступки!».

Она смело заявила, что не поколебалась бы сама выстрелить в генералов Леконта и Тома, которые отдали приказ стрелять в народ, но в то же время она осуждала их расстрел, так как они были уже тогда лишены власти.

¹ Irma Boyer, *La Vierge rouge*. Louise Michel, p. 95—96.

² L. Michel, *Mémoires écrites par elle-même*, v. I, p. 469.

В ответ на обвинение Луиза Мишель в своей речи на суде заявила:

«Да, я участвовала в поджоге Парижа! Я хотела противопоставить вторжению версальцев барьер огня. У меня в этом не было сообщников, я действовала только по собственному почину. Говорят также, что я была сообщницей Коммуны. Конечно, потому что Коммуна стремилась к социальной революции, а социальная революция — самое заветное моё стремление. Я горжусь тем, что участвовала в создании Коммуны!». Луиза Мишель закончила свою речь следующими словами: «То, что я требую от вас, называющих себя военным судом и считающих себя моими судьями, — это Саторийское поле, где пали мои братья. Повидимому, всякое сердце, которое бьётся за свободу, имеет у вас одно только право — право на кусочек свинца. Я требую для себя этого права. Если вы оставите мне жизнь, я не перестану кричать о мщении, я буду призывать своих братьев отомстить убийцам из «Комиссии помилования».

— Я лишаю вас слова! — крикнул председатель суда.

— Я кончила, — сказала Луиза. — Если вы не трусы, убейте меня!»

Её приговорили к ссылке и содержанию в крепости. От апелляции она отказалась и, узнав о приговоре, с досадой сказала: «Я предпочла бы умереть!..»

Вскоре её перевели в Оберивскую тюрьму.

24 августа 1873 г. Луиза Мишель и её товарищи коммунары и коммунарки отправились из Оберивского центра в далёкий путь.

Когда арестованные проезжали через Лангр, на дорогу из какой-то мастерской вышло несколько рабочих. Они приветствовали узников, и один из них, совсем седой, крикнул: «Да здравствует Коммуна!». Из Ла-Рошель арестантов отвезли на корабле «Комета» в Рошфор, и там они взошли на борт военного парусного фрегата «Виргиния», который должен был перевезти их через Атлантический океан на каторжные работы во французскую колонию — Новую Каледонию.

Новая Каледония — длинный и узкий вулканический, гористый остров, окружённый поясом коралловых рифов, расположен в Тихом океане, в 600 милях от Австралии. Луизе Мишель этот остров со своими семью голубоватыми холмами почему-то напоминал Рим. В глубине за

холмами виднелась Золотая гора, вся в расщелинах, из которых проглядывала красная золотоносная почва. Политические заключённые — коммунары, отбывавшие там наказание, делились на три категории. Приговорённые к каторжным работам жили на острове Ну (недалеко от Нумей, главного города Новой Каледонии). Там условия были положительно невыносимыми. Скованные двойной цепью, каторжники владели тяжёлым ядром на ноге, подвергаясь самым жестоким издевательствам. В менее суровой обстановке содержались коммунары, жившие на полуострове Дюко (западная часть Новой Каледонии). На Сосновом острове жили только приговорённые к ссылке.

Когда корабль с новыми арестантами прибыл в Нумейскую губу, администрация каторги решила отделить женщин от мужчин и устроить первых несколько лучше — в женской исправительной колонии, под наблюдением монахинь. Луиза возмущалась и решительно заявила, что не согласится на какие бы то ни было привилегии для женщин. «Раз нас осудили наравне с мужчинами, то справедливо, чтобы мы и наказание несли наравне с ними. Мы сюда приехали не на дачу, я полагаю!» — резко заявила она начальнику в форме колониального офицера. Тот пожал плечами и сказал: «Как хотите. Я думал проявить к вам некоторую снисходительность, а вы... Правду говорили мне, что у всех этих петролейщиц упрямые головы... Но ничего! Мы вас вымуштруем, миленькие. Вот как? Вы не хотите никаких привилегий? Я это вам припомню!».

Тотчас всех арестованных выстроили в ряды, по-военному. Обращение с ними сразу изменилось в худшую сторону. Особенно грубо обращались с Луизой Мишель. Однако её требование было выполнено — всех их, мужчин и женщин, усадили в шлюпки и отвезли на полуостров Дюко, где они встретились со многими друзьями и товарищами по борьбе: старым ветераном Малезье, который 22 января 1871 г. дрался бок о бок с Луизой на площади Ратуши, Анри Рошфором и др. Они устроили новопривышам радушный приём и поочерёдно угощали их в своих жалких хижинах скромными «обедами». Лишённые самых необходимых продуктов, нередко не имевшие ни овощей, ни жиров, получавшие микроскопические количества мяса и хлеба, ссыльные перебивались с большим трудом. Нелегко было готовить пищу без керосина или угля, без масла, растительного или животного. Приходилось приме-

нять способ местных жителей (канаков) — жарить мясо на раскалённых камнях. Табаку и мыла не давали. Помимо всех этих материальных лишений, ссыльные страдали морально — от зверского обращения начальства, от невыносимой тоски по родине среди этой дикой, безжизненной природы, столь непохожей на их родную Францию.

Несмотря на всё это, коммунары держались стойко и мужественно; нередко обменивались шутками, горячо обсуждали всевозможные научные и политические вопросы, живо волновавшие их.

Закалённая натура Луизы Мишель героически переносила тяжёлые испытания.

Крушение и разгром Коммуны 1871 г., первого в истории государства пролетарской диктатуры, вызвали у многих коммунаров чувства уныния, пессимизма и разочарования. Среди ссыльных в Новую Каледонию было много анархистов, с которыми Луиза Мишель вскоре сблизилась и подпала под их влияние. Анархисты (Элизе Реклю, Шарль Малато, Жан Грав и другие) познакомили Луизу с теоретическим обоснованием своих взглядов. Анархизм причинял большой вред рабочему движению. Это было реакционное, враждебное пролетарскому научному социализму течение, фактически подчинявшее интересы пролетариата интересам мелкой буржуазии, буржуазной политике и отрицавшее революционную диктатуру пролетариата. В. И. Ленин указывал, что марксисты, «ставя своей целью полное уничтожение государства, признают эту цель осуществимой лишь после уничтожения классов социалистической революцией...», анархисты же «хотят полного уничтожения государства с сегодня на завтра, не понимая условий осуществимости такого уничтожения». В отличие от марксистов анархисты «...отрицают использование государственной власти революционным пролетариатом, его революционную диктатуру». Марксисты «требуют подготовки пролетариата к революции путем использования современного государства; анархисты это отрицают»¹. Анархизм, требующий «немедленного» уничтожения государства и отвергающий использование государственной власти революционным пролетариатом, в сущности является злейшим врагом социалистической революции. Будучи псевдосоциалистическим течением, в

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 455.

действительности анархизм ничего общего не имеет с социализмом и с классовой борьбой пролетариата. Анархисты — друзья Луизы утверждали, будто рабочий класс в случае своей победы над буржуазией должен отказаться от завоёванной власти, поскольку якобы «всякая власть развращает тех, кто пользуется ею».

Будучи социалисткой по чувству, весьма незрелой в вопросах теории, Луиза Мишель до конца жизни не могла понять ошибочности и ложности анархизма. Увлёкшись революционной фразеологией, прикрывавшей реакционное существо анархизма, она впоследствии сосредоточила всю свою энергию на призыве к полному разрушению старого строя, к актам индивидуального террора и экспроприации отдельных капиталистов.

Спустя много лет, в 1883 г., представ перед судом по обвинению в принадлежности к анархистской организации, занимавшейся террористической деятельностью, Луиза Мишель произнесла речь. Открыто признаваясь в своём анархизме, к которому её толкнуло поражение Коммуны, она говорила: «Мы несли чёрное знамя потому, что это знамя забастовок, знамя голодных. Но могли ли мы избрать иное знамя? Ведь красное знамя осталось на кладбищах,— и мы сможем снова взять и поднять его только тогда, когда будем в состоянии его защитить».

«Анархизм» Луизы Мишель не нуждается в особых опровержениях и принципиальной полемике; вряд ли она сама глубоко в него верила,— писала виднейшая деятельница германского и международного рабочего движения Клара Цеткин.— Луиза Мишель — революционерка чувства, социалистка по инстинкту... Она — самоотверженный народный трибун, пламенный певец... увлекающий людей прорицатель, предвещающий зарю прекрасного будущего».

Шли годы. Временами невыносимая тоска охватывала Луизу, и она начинала строить самые невероятные планы побега. Однажды во время страшного циклона она ворвалась в хижину ссыльного Перюссэ (бывшего капитана дальнего плавания) и в сильном возбуждении сообщила, что вследствие бури на рейде нет корабля, обычно сторожившего пленников. Она умоляла его сделать плот и отдаться воле стихии в надежде, что удастся добраться до ближайшей земли. Но старый моряк крайне скептически

отнёсся к этому безумному плану, и Луиза ушла разочарованная.

Одно время (апрель 1875 г.) она вела переписку с женой члена Коммуны Растуля, жившей в Сиднее. План Луизы заключался в следующем: бежать ночью, после переклички, через горы, затем вброд добраться до Нумеи и оттуда отплыть на корабле, где должно быть заранее куплено место. Свои письма к Растуль Луиза вклеивала в дно несессера с нитками, но однажды, к своему ужасу, она обнаружила, что несессер и письмо перехвачены. Она была очень удивлена, что начальство ни единым словом не обмолвилось об этом её плане побега.

Только на шестой год с момента своего прибытия в Новую Каледонию Луиза Мишель получила разрешение переехать на жительство в «столицу» Нумею, где она открыла школу для детей горожан и детей ссыльных. Она преподавала живопись, музыку, скульптуру и другие предметы.

Она обучала также детей канаков (туземцев), которые уважали Луизу не только за то, что она учит их грамоте, но и за то, что она горячо сочувствовала их положению. Белые жители Нумеи относились к канакам с отвращением, распространяя слух, будто они людоеды. Французская администрация жестоко их угнетала. Дело дошло до восстания канаков (в 1878 г.). Как-то ночью Луиза услышала, что к ней в хижину стучатся. На её вопрос, кто там, ей ответили по-канакски: «Тайо» (друг). Луиза впустила пришедших, которые объяснили, что накануне боя со «злыми белыми» пришли попрощаться. Она разорвала на куски свой красный шарф времён Коммуны и раздала эти куски им на память.

Восстание канаков было потоплено в крови: каждый десятый был расстрелян...

Однажды Луиза, несмотря на предостережения местных жителей, решила навестить канаков в кокосовом лесу, где они жили. Канаки сначала встретили её с явным недоверием. Но она смело заговорила с вождём этой «трибы» и объяснила ему, что её сослали сюда не за уголовное преступление. «Во Франции,— сказала ему Луиза,— есть добрые и злые люди. Злые — это те, кто угнетает народ, работающий на богачей. Я вместе с многими моими друзьями хотела захватить власть у злых людей.— Значит, ты добрая? Значит, ты защитница всех несчаст-

ных? — сказал вождь канаков, выслушав краткий рассказ о героической борьбе Коммуны: — В таком случае, ты такой же воин, как мы! Ты боролась за своих братьев, но потерпела поражение, как наши несчастные канаки, пытавшиеся сопротивляться белым... Да, да. Злых всегда больше, чем добрых. Они всегда убивают, и они всегда правы...»¹

К великому изумлению белых горожан, Луиза вернулась из лагеря «людоедов» целой и невредимой...

Несколько лет спустя наметилась перспектива близкой амнистии сосланных коммунаров. Но, верная революционным традициям, Луиза Мишель и не желала слышать о том, чтобы ходатайствовать о помиловании. 25 июля 1878 г. она отправила губернатору следующее, полное негодования письмо:

«Прошу Вашей защиты от оскорбительных выходок людей, которые, несмотря на моё категорическое запрещение, ...публикуют от моего имени в газетах письма и ходатайства о помиловании. Я постоянно повторяю, что выйду отсюда только вместе со всеми ссыльными и каторжанами — коммунарами. Моя мать и мои близкие друзья с уважением относились к моим убеждениям... Даже мои противники никогда не осмеливались затрагивать мою честь! Пусть же эти мнимые друзья... оставят меня в покое и дадут мне спокойно ждать всеобщей амнистии!». 15 июля 1879 г. Луиза Мишель высказалась в таком же духе в своём письме к президенту республики.

Наконец была объявлена общая амнистия всем ссыльным коммунарам (1880), и Луиза Мишель получила возможность вернуться на родину.

* * *

С возвращением Луизы Мишель во Францию (1881) начался новый период её жизни и политической деятельности. Луиза сотрудничает в анархистской газете «*Révolution Sociale*» («Социальная революция»), не подозревая, что действительным редактором газеты был префект полиции Андрие.

В марте 1883 г. Луиза участвует в манифестации безработных, которая была организована анархистом Пуже.

С криками «Хлеба — или пулю!» манифестанты прошли по богатым кварталам столицы; некоторые из участников врывались в булочные, утоляя свой голод. 21 июня 1883 г. Луиза Мишель, Пуже и прочие организаторы и участники манифестации предстали перед судом по обвинению в том, что они были «главарями и подстрекателями шайки, насильственно похитившей хлеб, принадлежавший булочникам Ожеро, Буше и Морисэ». Несмотря на заверения Луизы Мишель, что она не имела ничего общего с «ограблением» булочных (в котором, повидимому, немалое участие приняли полицейские агенты — провокаторы), приговор был заранее предreshён: шесть лет тюрьмы.

Во время своего заточения в Клермонском центре Луиза Мишель много читала, наблюдала, писала. Её интересовал быт уголовных преступников, особенно женщин-проституток. Этой теме она посвятила ряд написанных ею в то время произведений («Мемуары», романы «Человеческие микробы», «Тюрьма» и другие). Луиза Мишель внимательно изучала психологию женщин-преступниц, пытаясь вскрыть социальные корни их преступлений. «Если женщины-арестантки и внушают порой отвращение, — писала Луиза, — то мне лично внушает отвращение буржуазное общество! Пусть сперва уничтожат эту клоаку. Когда очистят от навоза место под солнцем, никто тогда не будет погружать ноги в нечистоты. Посмотрите, юные девушки с нежными и чистыми голосами, — вот ваши сверстницы, с хриплой, отрывистой речью! Причиной этого то, что нельзя жить, как они живут, не одурманивая себя, чтобы забыться»¹.

В январе 1886 г. Луиза Мишель была освобождена. Узнав о помиловании, она не хотела покинуть тюрьмы, и директор пригрозил, что выведет её силой. «В глубине души, — писала Луиза в своих «Воспоминаниях», — я была взбешена необходимостью принять помилование, о котором вовсе не просила. Наконец, я подумала: в тюрьме я не приношу никакой пользы своей (то есть анархистской. — А. Л.) партии. Будучи на воле, я смогу возобновить свою пропаганду и принять некоторое участие в разрушении гнилого здания нашей власти».

Она действительно выполнила своё решение: до последних лет своей жизни она неустанно разъезжала по

¹ *Françoise Moser, Une Héroïne Louise Michel, Paris 1947, p. 154.*

¹ *L. Michel, Mémoires écrites par elle-même.*

Франции, агитировала за свержение власти капитала, рассказывала о героизме женщин в дни борьбы Парижской Коммуны 1871 г. Во время посещения Гавра в январе 1888 г. некий Пьер Люка, бедняк-рабочий, совершил покушение на её жизнь, стреляя в неё из револьвера. Одна из пуль пробила шляпу Луизы Мишель, другая засела за ухом, в височной части. Раненая Луиза, узнав, что Люка был бессознательным оружием в руках подкупивших его реакционеров, приложила большие усилия, чтобы добиться его оправдания. Она обращалась с письмами ко многим влиятельным людям (в том числе к знаменитому психиатру Шарко), стремясь доказать, что Люка невменяем. Луиза наняла опытного адвоката и в конце концов добилась оправдания человека, который хотел её убить!

Зимой 1889 г. Луизу Мишель посетила в сопровождении американской корреспондентки Е. Бартенева, участница Парижской Коммуны, описавшая обстановку и самый облик революционерки.

«...Мы постучались. Нам ответил благозвучный и совсем молодой голос. Мы вошли. Перед нами у большого простого, некрашеного стола, заваленного рукописями и тетрадями, сидела женщина лет за пятьдесят, с короткими вьющимися, с сильной проседью каштановыми волосами... Правильный нос, старческий ввалившийся рот, небольшие прекрасные карие глаза и болезненный, красноватый цвет кожи на лице, приобретённый в Каледонии. На Луизе Мишель было старенькое ситцевое платье тёмного цвета и ветхий ватерпруф. Кроме большого стола, у которого она сидела и над которым были прибиты к стене три широкие некрашенные полки с книгами, бумагами и завернутым в бумагу куском сыра, в комнате был ещё стол, на котором сидели на шестах с перекладинами два попугая... и крошечная железная печка, у которой грелась сидевшая на стуле обезьянка во фланелевом платице. На печке стоял жестяной кофейник. Кухни при квартире нет. Вся квартира состоит из трёх комнат. В одной из них, кажется, стоит кровать, другая — совершенно пустая...

— ...О чём же вы хотели спросить меня? Спрашивайте, — дружелюбно и просто обратилась Луиза к корреспондентке американской газеты.

— ...Как и когда возникли у вас те стремления, которыми вы руководились во всю свою последующую жизнь?

— О, — прервала её Луиза, — разве можно сказать, когда идея берёт своё начало и где её конец? Оставим это, право, это неинтересно. А вот что гораздо интереснее: есть у вас в Америке синдикаты женщин-работниц? Если нет, то скажите американкам — пусть они основывают такие союзы... За последнее время нам удалось сгруппировать в Париже несколько таких союзов. Это дело живое, оно пойдёт.

Американка записала, но, видимо, была недовольна тем, что Луиза Мишель уклонилась от ответа на её первый вопрос.

— Позвольте спросить вас, — сказала она, отрываясь от записной книжки, — чего собственно вы хотели в 1871 году?

Глаза Луизы засияли. Отвечая на вопрос, она, между прочим, сказала:

— Разве вы думаете, что человеку свойственно довольствоваться своей личной жизнью (*sa petite vie personnelle*)? Нет, он бы умер от скуки. Смотреть на себя, как на частицу общества, как на атом вселенной — это естественно. Напротив, совершенно противоестественно считать себя центром вселенной, центром общества...

...Все усилия американки заставить француженку говорить о себе оставались тщетными. Луиза находила, что это неинтересно. Эта старуха жила настоящим и будущим и упорно указывала на свои мемуары, как на совершенно достаточный источник биографических сведений.

— Я думаю, — откровенно вздохнув, заявила американка, — что в ваших мемуарах вы говорите обо всём, кроме вашей собственной личности.

Луиза улыбнулась. — Так сложилась моя жизнь, — ответила она...»¹.

В 1890 г. Луиза Мишель узнала, что правительство хочет объявить её умалишённой и заточить в психиатрическую больницу. Она бежала в Лондон. Там она продолжала поддерживать связь с анархистами.

До конца жизни Луиза Мишель оставалась преданной делу революции.

Луиза Мишель умерла 10 января 1905 г. в убогом номере марсельской гостиницы, в страшной нужде. В последние годы жизни она живо интересовалась русским

¹ «Русское богатство» № 8, 1893 г., стр. 134—142.

революционным движением. Перед смертью она говорила анархисту Жиро: «Вот увидите: в стране Горького и Кропоткина произойдут грандиозные события. Я уже чувствую, как она поднимается, как она растёт, эта революция, которая сметёт царя и всех его великих князей, и славянскую бюрократию, и перевернёт вверх дном весь этот огромный «Мёртвый дом». И что будет самым удивительным, это — что и в Москве, и в Петербурге, и в Кронштадте, и в Севастополе солдаты будут заодно с народом. Тот унтер-офицер (она имела в виду унтер-офицера армии генерала Винуа — Вердагера, который в историческое утро 18 марта 1871 г. убедил свою роту приставить ружья к ногам — не стрелять в народ), — будет иметь много подражателей, можете быть в этом уверены!»¹.

Заслуги Луизы Мишель в период Коммуны 1871 г. велики и бесспорны. Несмотря на анархические заблуждения последних лет своей жизни, в нашей памяти она навсегда останется доблестной коммунаркою, отважно «штурмующей небо», «Красной девой Монмартра».

¹ E. Girault, *La bonne Louise*, Paris 1906, p. 217.